

Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2002
Номер выпуска: 11
Заглавие: Печать и книга в Таганроге
Автор: П. П. Филевский

Подготовил к печати Л. Михайлов (г. Санкт-Петербург)

Статья «Печать и книга в Таганроге» написана в ученической тетради (24 листа); в ней не хватает двух листов, бумага истлела. Рукопись, по-видимому, не закончена. Год написания не указан. При печатании исправлены опiski, падежные окончания приведены в соответствие с современной грамматикой; при трудности прочтения собственных имен они отмечены вопросительным знаком.

Первою местною газетою в Таганроге был «Полицейский листок», разрешенный к изданию в 1859 году. Выходила она один раз в неделю с платою по 3 руб. в год. Это был, как легко себе представить, листок, где помещались распоряжения местных властей, публикации о торгах, санитарные распоряжения и, самое интересное, - сведения о происшествиях, как разбой, воровство и пр., даже частных объявлений не было. Но возникает вопрос: не было ли в местной прессе нужды? И не было ли местных сил, которые могли бы заинтересоваться ею и принять в ней участие?

В 1855-1856 годах во время Крымской войны приехал в Таганрог местный уроженец Николай Федорович Щербина, тогда уже известный поэт, и корреспондировал в «Северной пчеле» о ходе военных действий в Азовском море и, в частности, в Таганроге, а три года спустя поселился в Таганроге Нестор Васильевич Кукольник, собрание сочинений которого в 10 томах вышло в 1852 году, весьма известный тогда представитель романтизма тридцатых и сороковых годов. Директор гимназии Я.Ф. Флоренсов написал в виде рассказа предание о Матвеевом Кургане в 1860 году и другие исторические повествования в памятной книжке г. Таганрога. Доктор медицины Пантелей Иванович Работин напечатал свою диссертацию «Медико-топографическое описание таганрогского градоначальства» в 1868 году.

Это конкретные данные, которые свидетельствуют о том, что местные литературные силы были. Как говорят, «война рождает героев», несомненно, появились бы из местной интеллигенции работники, если бы появился литературный орган, где можно было бы применить свои силы. Очевидно, так на это смотрел Н.В. Кукольник, когда поднял вопрос о разрешении издавать газету в Таганроге. По проекту, с которым он пошел к министру Ковалевскому, газета в Таганроге должна была обслуживать Юго-Восточный край. Для этого края Таганрог был культурным центром с тех пор, как в 1806 году основана была здесь одна из первых гимназий в России. Весь бассейн Дона, нижней и средней Волги - это была сфера культурного и торгового влияния Таганрога. Нижегородская ярмарка и Крещенская в Харькове преизобиловали товарами, шедшими из Таганрога; аристократия и буржуазия Дона, Ростова и Азовского побережья получала свое образование в Таганроге.

Н.В. Кукольник не смотрел на интересы Таганрога с узко обывательской точки зрения, у него было представление о гармоническом развитии города как культурного центра. В 1857 году 9 февраля он представляет министру народного просвещения А.С. Норову записку «о народном просвещении в землях, лежащих между Азовским и Каспийским морями, с проектом устройства университета в Таганроге». На этой записке 19 февраля /царь/ собственноручно пометил: «есть мысли весьма хорошие, но требуют дальнейших соображений, чем и прошу заняться неотложно». В этой обширной записке были рассмотрены все промыслы, в каком виде они были и в каком должны быть, приведены все необходимые статистические данные по этому вопросу, была составлена обстоятельная смета и даже указан

источник содержания университета, главным образом в виде незначительного налога на предметы ввоза и вывоза из Таганрога.

Благодаря своим связям в Петербурге, Н.В. Кукольник неустанно обращался в столичные учреждения, создавая гармоничное развитие Таганрога. Он принял участие в хлопотах о том, чтобы направить железнодорожную магистраль из центральной России на юг к морям, именно в Таганрог, и когда возник вопрос об открытии Окружного суда, то Н.В. и здесь выступил ходатаем за Таганрог. Но только в двух последних случаях его ходатайства увенчались успехом, а газета и университет не были разрешены.

В данной статье нас особенно интересуют именно эти два вопроса. Главная причина неудачи в обоих случаях было соперничество Одессы. Дело об открытии университета было передано на рассмотрение попечителя Одесского учебного округа Пирогова, который и составил критический разбор 17 июля 1857 года за №1932. Хотя Пирогов - это великое имя, но его разбор кукольниковского проекта - слабое произведение. Оно все сводилось к тому, что вместо открытия университета в Таганроге преобразовать Одесский (Ришельевский) лицей в университет. Все написанное Кукольником применялось в Одессе, и выходило, что если сделать в Одессе все то, что Кукольник указывает для Таганрога, то получится превосходный Одесский университет. Авторитет Пирогова, как ученого и как администратора, в область ведения которого входил и Таганрог, сделал то, что по проекту Кукольника был одесский лицей преобразован в университет, хотя в Юго-Западном крае был уже Киевский университет.

Что касается политической и общественной газеты, каковую проектировал Кукольник, то против нее выступил генерал-губернатор одесский Строганов, находя, что вследствие отдаленности Таганрога от административного центра газета будет вне должного наблюдения. Н.В. очевидно предвидел цензурные затруднения, потому что предлагал установить для газеты чиновную цензуру в лице директора гимназии, а в сомнительных случаях даже посылку статей в административный центр, но Одесса стояла на дороге. Быть может, генерал-губернатору просто было неудобно допускать такую роскошь для города, находящегося в подчинении у него, когда в центре такого органа нет. Официальная газета «Полицейский листок» в 1870 переименована в «Ведомости таганрогского градоначальства». Газета выходила по средам и воскресеньям и имела неофициальный отдел.

В 1870 году получил право на издание газеты Павел Спиридонович Муссури. Газета называлась «Азовский вестник», выходила два раза в неделю при типографии П.С. Муссури, которая занимала небольшое помещение в имени А.И. Работиной, по первому мужу Кукольник. Теперь этого дома нет, когда расстраивался Земельный банк (теперь Исполком), то поглотил это здание. Потом П.С. Муссури построил дом на Петровской улице, №47 (потом Камбарули) и туда перевел типографию. Редактором газеты был утвержден Федор Романович Браславский. Газета была частная, литературная, боевого характера не носила. Редактор был бывший учитель женской гимназии, тогда уже на покое. Отношение у него к делу было чиновное, да едва ли бы и утвердили редактором другое лицо. Сам издатель был грек, хоть и обрусевший, и вращавшийся среди интеллигенции, но не задававшийся культурными целями; газета была при типографии.

Впрочем, одно время - в 1871-1872 годах, в таганрогской гимназии подобрался состав преподавателей, которые искали деятельности помимо школы: А.И. Маркевич, впоследствии профессор Одесского университета, В.Ф. Помян, переводчик итальянского поэта Леопарди, В.К. Виноградов, А.И. Белавин и Е.С. Каменский. Они устраивали лекции при гимназии и сотрудничали в местной газете, конечно, бесплатно. В 1875 году скоропостижно скончался П.С. Муссури и газета прекратилась, на типографии были долги, и она досталась некоему Холева, проживавшему в Керчи. Типографию арендовали разные лица - сначала Акиндин Спиридонович Павлович, потом Петр Моисеевич Шульман.

В 1881 году получил разрешение на издание газеты И.П. Миронов. Газета называлась

«Азовские слухи», выходила три раза в неделю, печаталась в собственной типографии. Редактором был тот же Федор Романович Браславский.

В 1887 году (1 января 1888 г.) с упразднением градоначальства прекратились и «Ведомости таганрогского градоначальства». Поэтому «Азовские слухи» выполняли некоторые функции официального органа, и объявления доставляли некоторый заработок газете. Главною же темою статей были городские дела, тем более, что с возникновением публичных заседаний городской Думы материал сам собой напрашивался. Появлялись, впрочем, и пасквили, неизбежные в мелкой провинциальной прессе. Газету за это ругали, а все-таки и почитывали.

И.П. Миронов очень недолго был издателем, с его смертью она перешла к его родственнику - Андрею Михайловичу Миронову, крупному лесоторговцу. Он название газеты переименовал (1882 г.) на «Таганрогский вестник». Будучи человеком со средствами, он кое-что уделял на развитие своей газеты. Между прочим, вместо Браславского, человека очень преклонных лет (более 80), он пригласил Михаила Ивановича Краснова, принадлежавшего к интеллигентной казачьей фамилии, из которой был защитник Таганрога в 1855-1856 годах генерал Краснов, профессор географии Харьковского университета Краснов и атаман войска Донского Л. Краснов во время гражданской войны, он же автор повестей из казачьей жизни; да и сам М.И. был человек с университетским образованием, в чине действительного статского советника, что имело значение, так как к нему и администрация иначе относилась. Он был уже немолод и ужасно рассеян. О нем рассказывали анекдоты, что он однажды пришел с визитом к полицмейстеру, причем в передней оставил шляпу (*chapeau clague*), а под мышку взял грязную калошу и вошел в гостиную, где раскланялся с ловкостью старого джентльмена перед женою полицмейстера. В другой раз говорили о нем, что он пришел домой и, прочитав в дверях выдвинутую пластинку: «Дома нет», ушел к своему знакомому. Он и сам писал в газете, большею частью свои впечатления о разных прилегающих к Таганрогу донских усадьбах и урочищах, был очень смел и помещал такие статьи, которые не допустил бы и редактор столичной прессы, но все сходило с рук, так как и градоначальник, и потом атаманы были к нему снисходительны, считаясь с его возрастом и принадлежностью к донской аристократии.

Издатель «Таганрогского вестника» А.М. Миронов купил захудалую библиотеку Данилова и, затратив некоторую сумму денег, подновил ее и обогатил город библиотекою. Первым пионером книги в Таганроге был некий Данилов, вице-губернатор одной из польских губерний. Появился он в Таганроге как-то в связи с приездом в Таганрог семьи Алфераки из Петербурга. Это было как раз тогда, когда после Крымской кампании началось бурное движение в русском обществе на всех поприщах. Тогда же Кукольник привез знаменитого Кокарева для организации вывоза из южного края за границу продуктов земледелия и скотоводства. Слово «индустрия» в смысле промышленности не сходило с уст. Организована была «*Compani d' Alimentation*». Казалось, что жизнь кипит здесь, как коммерческая, так и культурная; вот для этой-то культурной работы таганрогские интеллигенты в самом лучшем смысле слова - семья Алфераки, Д.П. Война, Н.В. Кукольник - вызвали Данилова. Он устроил книжный магазин и библиотеку. Она помещалась в нижнем этаже дома А.М. Авьерино, против Цареконстантиновской церкви, потом дом Звороно.

От всей шумихи, поднятой в начале шестидесятых годов, долго оставался мрачный памятник - это колоссальных размеров мельница за кладбищем по пути к карантину; она была не окончена и сгорела. Там положены были миллионы. Она долго стояла в развалинах, как мрачный остров. Внутри ее двора был большой сад. Эту мельницу в начале XX века купил некий Ревич и стал продавать кирпич со стен. Кирпич был особой машинной работы и под ударами молотка звенел, как металл.

Какая судьба Данилова - неизвестно (кажется, он опять уехал на должность вице-губернатора); но его библиотеку купил А.М. Миронов, по-видимому, недорого и, как кажется,

без всякого коммерческого расчета, а главным образом с целью сохранить для Таганрога хоть какую-нибудь библиотеку.

Помещение для нее он нанял в доме Бросалья. Какой национальности был этот Бросаль - не знаю, но его очень высокую фигуру, лицо греческого типа с седыми усами все знали в Таганроге. Сам он жил в очень старом доме во дворе, а дом на Николаевской улице, № 24 (это имение впоследствии купил присяжный поверенный М.А. Рабинович, снес все постройки и построил новые) отдал под библиотеку.

Заведовал библиотекой мой брат Алексей Петрович Филевский (впоследствии директор Ростовской конторы Государственного банка) по рекомендации Тимофея Логгиновича Ковтунова, служившего в типографии А.М. Миронова (впоследствии Т.Л. Ковтунов был директором Городского банка в Таганроге.) У А.П. Филевского был помощником, или, лучше сказать, мальчиком, Могиленко. Расходы по библиотеке не окупались подписчиками, тем более, что хоть немного, но библиотека пополнялась. Книжного магазина при ней, как у Данилова, не было.

Забота о библиотеке продолжалась и далее, она перешла в хорошее помещение в нижнем этаже недавно выстроенного дома Юлии Леонтьевны Литвиновой (Итальянский, № 10), потом доктора Позументирова.

В это время переехал на житье в Таганрог бывший крупный помещик Славяносербского уезда А.К. Гарцевич. Семья была образованная, общественная, но доживавшая последние достатки, к работе в семье никто не был приучен.

В те годы в Таганроге был кружок любителей театрального искусства. Кружок был неофициальный: устраивали домашние и общедоступные спектакли каждый раз с разрешения властей. Постоянной сценой кружок владел в имении Педемонте (Полицейский пер.), потом Полтавский, № 30. В этом кружке главными любителями были А.П. Филевский и Т.Л. Ковтунов. Желая организовать общество, они привлекали меценатов, в числе которых оказался старик Гарцевич, а сын его Георгий Андреевич принимал участие в спектаклях и очень подружился с моим братом. Георгий Андреевич решил пристроить бранные остатки своего капитала, употребив на хорошее культурное дело, которое еще даст заработок. Мой брат соглашался и у него продолжать работу, и увлекающиеся Гарцевичи, в том числе премиленькая и веселая барышня Галя Андреевна, уже наперед стали фантазировать, как они будут работать в библиотеке. Предполагалось дело расширить и открыть при библиотеке магазин. Но для магазина нужен был капитал, а его не было. Все, что было, пошло на покупку библиотеки у А.М. Миронова.

Библиотека стала сборищем молодежи и всего артистического кружка. Летом мороженщик являлся в библиотеку часов в 12 и уходил тогда, когда у него все заготовленное мороженое выходило. В библиотеке было весело и шумно. Георгий Андреевич в добавление своей культурной работы задумал издавать газету и послал просьбу о разрешении, собирал сотрудников, и я готовил ему статью «Происхождение газеты в Западной Европе». Между тем, книги в библиотеке требовали починки, добавления; молодежь разбирала книги и по легкомыслию не возвращала; требовались деньги, а их не было.

Прежде всего переменили помещение: библиотека перешла на угол Кузнечной ул. и Ярмарочного (ныне Гоголевский) пер. Это тогда была окраина и совсем не подходящее место для библиотеки. Брат видел, что Гарцевичам платить ему жалованье не под силу, и при поддержке некоего Неведомского, одного из меценатов, получил место в Государственном банке, а затем библиотеку стали распродавать; помню, и я там купил: «Ад» Данте в переводе Мина, Дрепэр «История умственного развития Европы» и некоторые другие.

Некоторое время библиотеки в городе не было вовсе. В 1874 году библиотека была открыта Ващиненком, помещалась она на углу Греческой ул. и Успенского пер., в нижнем этаже. Здесь прежде была квартира градоначальников, а впоследствии городская Управа.

Тогда не было препятствия для учащихся записываться в публичных библиотеках, и мы, учащиеся, записывались; я был 22 (? - оторван низ первой цифры) подписчиком, и когда впоследствии эту библиотеку купил город и подписчики перешли туда, то мне неоднократно предлагали переменить номер квитанции, но мне хотелось сохранить за собою первенство, так как я состоял непрерывно подписчиком и будучи в университете, и уже учителем гимназии, т.е. около 30 лет. Мой номер был 22, до этого номера уже никого не было, а после моего следующий был 830-й.

Городская библиотека была довольно захудалая сначала, но при ней была открыта читальня и переведена она была на Петровскую улицу, где и теперь библиотека, но только дом был до того ветхий, что архитектор нашел, что когда-нибудь все книжные шкафы, провалив пол, задавят живущих в подвальном этаже. Но о городской библиотеке скажем потом.

В то время, как охотников устраивать библиотеки было достаточно, предпринимателей книжных магазинов не было, очевидно, культурный уровень Таганрога, чисто коммерческого и притом иностранного города, был невысок. Коммерция находилась в руках греков, которых не интересовала ни русская, ни иностранная литература. Учебных заведений было тоже немного, так что продажа учебников не оправдала бы расходов на содержание магазина. Учебники обыкновенно приобретаются в начале учебного года, что совпадало с Успенской ярмаркой, продолжавшейся от 15 августа дней десять. На ярмарку приезжал книжный магазин (кажется, Преснова из Харькова, угол Университетской улицы и Павловской площади). На ярмарке, обыкновенно, и покупали; кроме того, был на Старом базаре в рядах, которых теперь уже нет, рядом с магазином Герасимова (когда-то Мельникова) посудный магазин Куликова, там принимали подписку на выпуск учебников, причем надо было внести стоимость учебника и почтовые расходы, книга обходилась почти вдвое против печатной цены.

Не помню точно когда, но приблизительно в 1877 году открылся магазин Белоновского. Собственно, средства были Олениной, которая была контрагентом по продаже книг на вокзалах, потом это дело перешло к Суворину, а вел дело С.С. Белоновской, служивший до того на лесной торговле А.М. Миронова, потом он был учителем начального училища в Таганроге. Помещался этот магазин в доме Рази, где впоследствии была типография Я.А. Рази, на Петровской ул., №60.

Это предприятие недолго просуществовало, тогда же возникло новое Павла Ивановича Линецкого. Книжный магазин и библиотека помещались в доме №55 по Петровской ул., занимали прекрасное помещение. Сам владелец, бывший священник, был скромный, образованный человек, снявший сан по особым причинам. У него была большая семья, и, по всей вероятности, он рассчитывал этим предприятием дать заработок хоть некоторым из них; но вся эта молодежь сделала из книжного предприятия какой-то молодежный клуб, книги разбирали и не возвращали. Проработав несколько лет, П.И. Линецкий распродал свои книги и поступил на железнодорожную службу.

Типографии близко соприкасаются с книгопечатанием и литературой, но нельзя этого сказать о провинции, потому что здесь типография печатает бланки для банков, управ, полиции, афиши, визитные карточки, этикетки для товара, бутылок и пр. Все это ничего общего с литературой не имеет, но, конечно, бывают случаи печатания книг, брошюр и газет. Самая старая типография была при канцелярии градоначальника, она принимала и частные заказы. Затем появилась типография П.С. Муссури, купленная после его смерти Холева, который сдавал ее в аренду сначала А.С. Павловичу, потом П.М. Шульману.

В начале 1890 годов владелец большого аптекарского магазина Полак открыл новую хорошо оборудованную типографию по Итальянскому пер., 19, но для такой типографии требовалась и большая работа; занятый другим делом Полак не мог добывать себе работу и потому сдал свою типографию в аренду А.Б. Тараховскому и П.Ф. Каменеву, которые некоторое время работали вместе, а потом разошлись, и Каменев открыл на Петровской ул., №56, рядом с городской аптекой, небольшую типографию. Около этого времени открыла

типографию с литографией в своем доме по Петровской ул., №60 Ангелина Аристовна Рази. Таким образом, к концу XIX века Таганрог изобиловал типографиями. Кроме упомянутых, была еще и типография «Таганрогского вестника» А.М. Миронова... Впрочем, типография при канцелярии градоначальника с упразднением сего последнего закрыта в 1888 году. Типографии между собой конкурировали и значительно понизили цены на работу.

Главными потребителями типографского труда были учреждения, в особенности городская Управа и Земельный банк. Но так как типография Миронова печатала «Таганрогский вестник», а при типографии Тараховского было отделение ростовской газеты «Приазовский край», то учреждения и фирмы давали этим типографиям свои заказы, чтобы «заградить уста львам». Но если Земельный банк это был такой крупный заказчик, что его обе газеты со своими типографиями боялись и не смели никогда поднять своего голоса, то Управу щипали, в особенности «Приазовский край», но так искусно, что более Думу, а не саму Управу. Случилось, однако, это было в мою бытность председателем ревизионной комиссии, что комиссия, усмотрев сдачу всех типографских работ типографии Тараховского, нашла это скрытым подкупом очень смелого сотрудника газеты, владельца типографии, подписывавшегося «Шиллер из Таганрога», псевдоним довольно несуразный, и внесла предложение в Думу: «Все управские типографские работы должны делиться поровну между четырьмя типографиями или сдаваться с торгов тому, кто наименее возьмет». Дума приняла, а ревизионная комиссия и в особенности ее председатель с этого момента стали подвергаться бешеным нападкам Тараховского, который все объяснял антисемитизмом - прав был Макиавелли, когда говорил, что люди простят властям убийство родителей, но никогда не простят посягательства на свой карман.

Затем существовала окружная типография для нужд начальника округа, но принимала и частные заказы. Была еще типография Рубина на Петровской ул., №54. Эта типография и типография Каменева раньше других прекратили свое существование. Типография Я.А. Рази (преемника А.А. Рази) была взята после смерти владельца Добровольческой армией. Типография А.М. Миронова после его смерти перешла к его сыну, скоро после отца умершему, а затем к зятю Козьме Дионисьевичу Чумаченко, но о нем скажем потом как о редакторе и издателе «Таганрогского вестника». Типография Тараховского была взята в период революции пролетарскими учреждениями, а владелец уехал в Ростов, где и умер.

Как на культурный рост города, можно указать на развитие библиотек. Это началось с последнего десятилетия XIX века. В это время начинается значительное пополнение библиотек при учреждениях. Самая старая библиотека при мужской Александровской гимназии. Эта библиотека имела много старых изданий. Конечно, как библиотека казенного учреждения, она не имела беллетристики, но в последнее время и это устранялось, и начальство утверждало без помарок списки, представляемые педагогическим советом; тем более что обильные средства давали возможность делать эти расходы. В эту библиотеку вошла библиотека писателя Николая Федоровича Щербины после его смерти. Полные комплекты серьезных журналов без каких-либо перерывов составляли огромную ценность. Во время революционного разгрома это книжное сокровище было свалено в городскую библиотеку, там разные лица с сомнительным правом на понимание книжных сокровищ стали приводить свозимые частные и казенные библиотеки в систему, причем, например, древних классиков безжалостно относили к хламу.

Затем библиотека при Мариинской женской гимназии. Будучи сравнительно молодой, она не могла иметь столько редкостей, как предыдущая; но как гармонично подобранная, имеющая все отделы, богато снабженная всеми капитальными вещами, она была самая лучшая в городе библиотека, и так как гимназия содержалась на сбор за право учения, то она была более доступна для пользования, и среди ее клиентов были педагоги всех учебных заведений. Количество названий достигало десяти тысяч. При разгроме библиотек она особенно пострадала: в эту библиотеку являлись учителя с ордерами на сто или пятьсот и т.д.

книг и брали какие попало, и когда уже осталось менее половины, тогда явился инженер Осин забрать для городской библиотеки все изящные издания, которых было много, но все уже было разобрано; тогда все оставшееся и множество шкапов было забрано в городскую библиотеку. Большую редкость составлял в этой библиотеке отдел книг богословских. Библиотеки других учебных заведений были еще молоды, и несколько лучше других была в Коммерческом училище.

В Таганроге было два клуба: Коммерческое собрание, существовавшее с 1812 года, но в нем была плохонькая библиотека; весь интерес читателей этого клуба был сосредоточен на иностранных журналах и газетах, которых выписывалось очень много. Зато Общественное собрание, или Маленький клуб, имел хорошую библиотеку. Она также была расхищена, и на базарах особенно много продавалось книг со штемпелем Общественного собрания.

Существовала еще библиотека-читальня Л.Ф. Черницкой, рассчитанная на подростков. Наиболее доступной для публики была городская библиотека, которая возникла из библиотеки Ващиненко. Вот копия квитанция: «Квитанция №22 таганрогской городской библиотеки. Получено от г. Филевского Павла залогом три руб. по 2 разряду за абонемент - гимназист - по 11 июня 1877 года. Июня 11 дня 1877 г. - библиотекарь А. Ващиненко».

Мы уже указали, что помещение библиотеки было переименовано с Греческой ул. на Петровскую, но так как дом старый и грозил разрушением, то библиотеку перевели в дом, выходящий на Греческую улицу в том же дворе, а старую постройку решено было разрушить и выстроить новую. За это дело взялся член Управы, потом городской голова П.Ф. Иорданов. В это время Ант. Пав. Чехов уже был известный писатель, и ври его протекции московский архитектор Шехтель составил план и смету постройки, в которой должен помещаться музей имени Петра Великого, библиотека имени Чехова и Чеховская комната, но кто-то распорядился, виноватого потом не нашли, на бетоне сделать оттиск и поэтому имя основателя Таганрога незаметно исчезло.

Библиотека находилась в ведении одного из членов Управы; большею частью ею заведовал П.Ф. Иорданов, но так как он был занят городскими делами, то не мог следить за литературой и науками и все заведывание передал неофициально присяжн. поверен. М.П. Батуре, который понемногу придал особый характер библиотеке и читальне, так сказать, либеральный или, как теперь сказали бы, левый. Это вызвало даже протест гласного В.Н. Ветлицкого, который сказал, что городская библиотека не должна иметь никакой окраски, там всякий может искать, что ему нужно. На это замечание Иорданов гордо заметил, что библиотека находится в его ведении и он ничего реакционного не допустит. Но ему на это возразили, что он совершенно не знает, что выписывает в библиотеку, и если бы поинтересовался, то, наверное, не одобрил бы. Однако Батура продолжал руководить.

Самая первая библиотекарьша после Ващиненко была Евгения Георгиевна Руднева, она была очень долго; отличалась спокойным характером и деликатным обращением, она пользовалась расположением публики. После нее была Норова, болезненная девушка, иногда вступающая в пререкания с публикой; потом была Л.Ю. Арбушевская, в ее время был расцвет библиотеки. Как раз в это время А.П. Чехов присылал в виде подарков много книг таганрогской библиотеке. По этому поводу он переписывался с городским головой Д.Ф. Фоти, П.Ф. Иордановым и Любовью Юлиановной Арбушевской. Это была удивительно спокойная и скромная труженица. Затем недолго была Тарасевич - в это время библиотека вызывала даже подозрение в революционной пропаганде. Тарасевич должна была оставить библиотеку, а Батура продолжал работать. Затем библиотекарьшей стала М.М. Андреева-Туркина. В это время операции библиотеки настолько разрослись, что одна библиотекарьша уже не могла управляться.

Но обвинения библиотеки в одностороннем направлении имели основания. Было изобилие книг по политико-экономическим вопросам, совершенно непосильных таганрогской публике, все главные и второстепенные исследования Французских революций, тяжеловесные

исследования о праве; против этого можно было не возражать, если бы было по несколько экземпляров Пушкина, Тургенева, Островского и пр., а этого не было, и достать русских классиков было невозможно, не было совершенно таких авторов, как Загоскин, Зотов, Маркевич, Головин и др.; это не классики, но писатели, которых любит публика. Сравнительно мало было трудов по русской истории, не было популярных, но второстепенных европейских писателей - Морлит, Вернер, Уд и пр.

С подчинением библиотек отделу народного образования все издания были постепенно выброшены и осталась только послереволюционная литература - русская и иностранная, как та, так и другая интересует только искателей полового возбуждения. При городской библиотеке пристроилось историческое общество; нельзя сказать, чтобы оно процветало. Во главе стоял М.М. Андреев-Туркин. Он как-то всюду охранял свою особу и старался не допустить никого, кто бы мог его заменить. Никто, по всей вероятности, и не думал его заменять, потому что он, как член Управы, заведовал музеем, при котором состояло общество. Это общество в особенности могло развиваться, когда к нему примкнули в 1919 году беженцы С.И. Смирнов, большой любитель истории и хороший работник, и В.М. Гаршин, нумизмат. Кроме того, среди беженцев-юристов были лица, заинтересованные местной стариной, и желание все заслонить своею фигурой мешало Андрееву-Туркину вызвать к жизни общество. Министр народного просвещения Донского правительства В.Н. Светозаров, осмотрев музей исторического общества, нашел большие успехи в работе и ассигновал в субсидию обществу 9000 руб., обещая в будущем увеличить ассигнования.

Обзор книжных магазинов мы закончили магазином Олениной (завед. С.С. Белановский) и П.И. Линецкого. Дело Линецкого постепенно умирало. Средств у него не было, но рабочие руки в лице молодежи хотя и плохие, но были даровые, и это удлиняло агонию, но наконец магазин закрылся. Положение учебных заведений было очень тяжелое, потому что ярмарка Успенская, как вообще все ярмарки, сходила на нет, и книги Преснов уже не привозил.

Во время приезда окружного инспектора Д.Е. Архангельского преподаватели сообщили ему о том, какое грустное положение с учебниками. На это на совете он сказал следующее: «Я удивляюсь вашей инертности, господа. Когда я был преподавателем в Краснослободске, там было то же самое, и мы, учителя, открыли магазин книжный и писчебумажных материалов, принимали подписку на журналы; стали там проводниками культуры и сами кое-что зарабатывали - дело нескудное и нетрудное».

Сейчас же образовалась компания преподавателей, возбуждено ходатайство об открытии магазина. На запрос директора Громачевского, допустимо ли, чтобы чиновники были владельцами торгового предприятия, округ отвечал, что допустимо, но лучше, если магазин будет открыт на имя жены или кого-либо из преподавателей. Решено было открыть на имя В.М. Филевской, которой и выдано было разрешение атаманом войска Донского. Это было в 1891 году.

Тогда является к В.М. Филевской бывший телеграфный чиновник Илиас с упреком, что его разоряют, что он уже затратил деньги на выпуск книг, что он не предполагал такой сильной конкуренции, как компания преподавателей. Положение его было незавидное, и Филевская напечатала в местной газете объявление, что ввиду того, что Илиас открывает книжный магазин, она открывать не будет. Илиас был очень тронут этим всем и открыл магазин. Но столичные книгопродавцы и издатели очень скупы на кредиты, и, не имея капитала, очень трудно вести книжную торговлю; у Илиаса его не было, и дело его, неотянувшись и года, лопнуло. Издательство А.Ф. Девриена наложило арест на его предприятие, и оно было продано с молотка. Тогда в 1892 году товарищество учителей открыло свое дело.

Это был действительно проводник культуры. Начатый в скромном помещении в Соборном переулке, №13, магазин потом перешел на Петровскую ул. рядом с театром, потом далее к центру - №52 и, наконец, в самый центр Петровской ул., №44. В этот магазин явля-

лись не только за покупкой определенной книги, но и за советом, что купить для детей, кого из классиков русских прежде приобрести, с кем прежде всего познакомиться из западноевропейских неклассиков; так же точно и по научным вопросам наводили справки. Публика знала, что из-за прилавка подаются ответы научных работников. Таганрог познакомился впервые с книжным рынком и стал им интересоваться.

Кроме этого магазина другого не было, если не считать двух букинистов - Богданова в подъездных воротах дома Гайрабетова (Петровская, 44) и Борозна в деревянном ларьке тоже по Петровской ул. в том же дворе. Потом стали открывать магазины на Новом базаре, главным образом учебников, бумаги, шпалер и пр. - Левина, Михлина и Моисеенко. Ввиду развития книжного дела в Таганроге соблазнился и столичный предприниматель Городецкий и открыл магазин в угловом помещении на Петровской ул., 31 и внес в книжное, чисто культурное дело, политику.

Это было накануне в 1904 году. В этом магазине стали получать целые вороха изданий «Донской речи», изданий Парамонова - это были брошюры наскоро переведенные, извлечения из больших серьезных трудов - брошюры, которые вследствие дешевизны (3 к., 5 к., 10 к.) покупались, но совершенно не читались. Новый книжный магазин бил в набат, кто хотел прослыть передовым, должен был появиться в этом магазине. Но затем кончилась революция 1904-1905 годов, и магазин был продан Василевскому, человеку солидному, со средствами, но не книжному; и когда его сын окончил образование и стал входить в дело, магазин стал разоряться.

Революция положила предел развитию книжного дела в России. Таганрогские книжные...

(Здесь в рукописи отсутствуют два листа)

...писавший под псевдонимом Гном. Это был положительно талантливый фельетонист и весьма остроумный, но тоже не знал местной жизни. После событий 1905-1906 годов провинциальная пресса, подобно столичной, стала партийной и, можно сказать, исключительно левого направления, а так как К.Д. Чумаченко, будучи человеком совсем не пролетарского положения, естественно, был умереннее других, а иногда и более того, то, очевидно, по выработанной тогда тактике, стали его клеветать со всех сторон, в особенности господствующий в местном крае «Приазовский край», и очень странно было читать «Таганрогский вестник», выкрикивающий кадетские лозунги, часто не к месту и неудачно, мечущий перуны против антисемитизма, когда мы знали, что такое «Таганрогский вестник» на самом деле.

Свободомыслящая пресса имела на Юго-Востоке свое охранное отделение - это был «Приазовский край», имевший отделения в значительных городах. В Таганроге отделением руководил Тараховский, который вздумал было отказаться и открыл свою газету «Приазовская речь», но, дотянув один год, он опять перешел в «Приазовский край». После Октябрьской революции эта газета, как орган торговой корпорации, прекратила свое существование.

Отмечая отделение «Приазовского края» в Таганроге, нельзя не упомянуть заведующего некоторое время этим отделением Мирона Николаевича Псалти, писавшего под псевдонимом «Скиф», Это не был недоучка, как большинство представителей мелкой прессы, но широко образованный человек, окончивший Московский университет по естественному факультету, знавший многие европейские языки. Как местный обыватель, он мог быть очень полезен городу, но тяжкая болезнь лишила его возможности работать, а затем, продержав его в постели несколько лет, свела его преждевременно в могилу. Еще будучи здоровым, он с другими лицами, между прочим, Комлюхиным в Ростове, задумал большую провинциальную газету - разрешение было получено в 1893 году и под редакцией Комлюхина газета, называвшаяся «Юг», стала выходить в Ростове, но по истечении года прекратила свое существование.

Вообще, Приазовье с Ростовом во главе выдерживать двух газет не может. С тех пор, как стал существовать «Приазовский край», все другие газеты были эфемерные, не исключая и «Донской речи», которая хоть держалась дольше других и имела отделения в других городах (в Таганроге был литератор с дарованием Дмитриев), но тоже не выдерживала конкуренции с «Приазовским краем».

ТЛИАМЗ ИВ-3463 ФПИФ7 - 09 п. 7 оп. 11